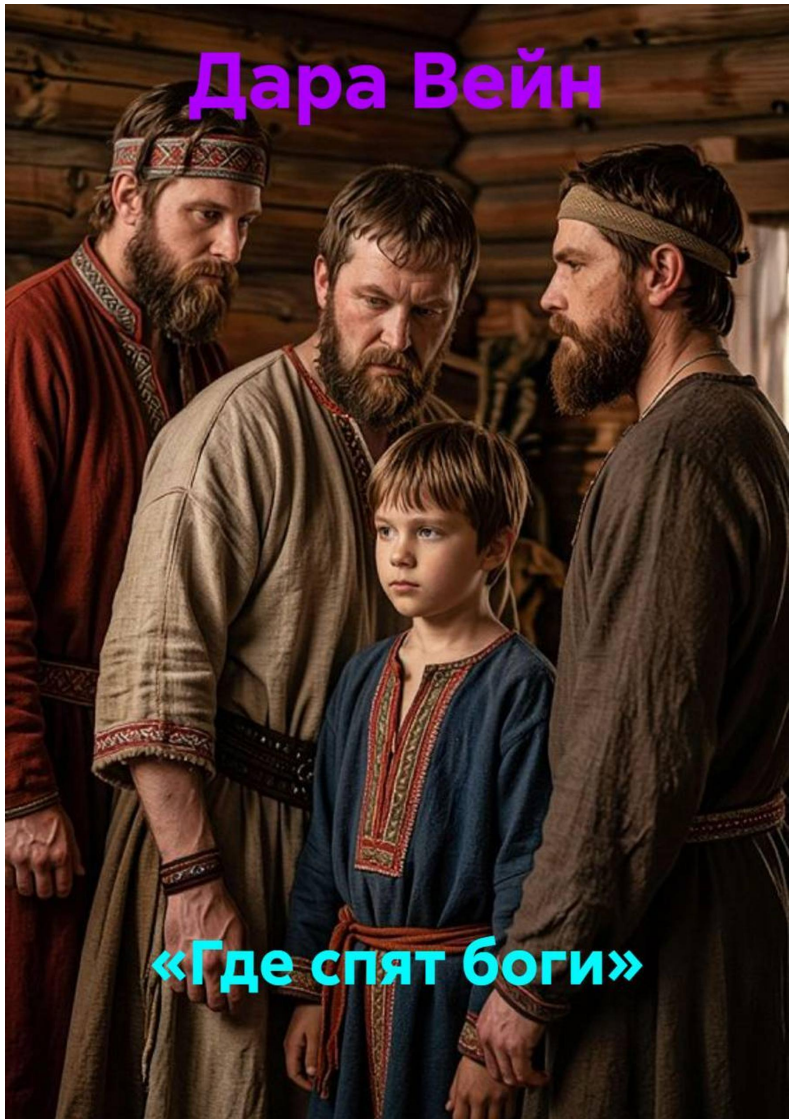

Дара Вейн

«Где спят боги»

Дара Вейн

«Где спят боги»

<https://litres.ru/74490484>

SelfPub; 2026

Аннотация

История Миронег, мальчика из деревянного городка Радогощ, который слышит голоса богов. Через волхва Велигоса он учится понимать мир, где Явь, Навь и Правь переплетены, борется с печенегами с помощью молнии Перуна, встречает берегиню Младу — дух реки, спорит с греческим миссионером Феодулом и в итоге становится не воином, а памятью своего народа.

Дара Вейн

«Где спят боги»

ГДЕ СПЯТ БОГИ

Роман о Древней Руси

Дара Вейн

«Тьма идёт с востока. Но и свет рождается во тьме».

Пролог

Год от сотворения мира 6376-й. По иноземному летоисчислению — 868-й. Земля, которую потом назовут Русью, ещё не имеет имени. Она дремлет под серым небом, и в тёмных лесах её шепчут деревья, и в холодных реках плещут русалки, и в глубоких капищах горят священные костры волхвов.

Мир ещё молод — и граница между явью и навью тонка, как первый лёд на луже. Боги ходят среди людей, принимая облик зверей и птиц. Духи рек и лесов торгуются с людьми за рыбные ловли и охотничьи угоды. Волхвы предсказывают будущее, глядя в огонь, и огонь им отвечает.

Но из-за Чёрного моря, из степей, где кочуют печенег и хазары, ползёт тень — тень новой веры, которая не тер-

пит других богов. И в земле вятичей, в глухом лесу, где стоит деревянный город Радогощ, рождается мальчик, которому суждено стать последним, кто слышит голоса старых богов.

Или первым, кто услышит новые.

Глава 1

Мальчик, который слышал thunder

Радогощ стоял на холме, окружённый частоколом из дубовых брёвен, за которыми темнел лес — дремучий, непроходимый, в который даже охотники не заходили дальше, чем на полдня пути. Городок был невелик — тридцать дворов, капище на вершине холма, торговая площадь у подножия, и река Уна, огибающая холм, как мать обнимает ребёнка.

В Radogość родился мальчик. Назвали его Миронег — мирный и негневный, потому что родился он в год, когда не было ни набегов, ни мора, ни голода, и отец его, Лучан, старший дружинника князя Высеслава, сказал: «Пусть будет мирным, надоели войны».

Миронег рос тихим. Не дрались, не кричал, не лазил по заборам, как другие мальчишки. Он слушал. Сидел на холме у капища, смотрел на облака, и говорил бабке Олесе:

— Бабка, а кто там говорит в тучах?

— Никого там нет, внучек. Гром гремит — это Перуново колесо по небу катится.

— Нет, бабка. Там кто-то говорит. Слова такие... я не по-

нимаю. На другом языке.

Олеся качала головой. Она была ведуньей — знала травы, умела заговаривать кровь, снимала порчу. Но такого не слышала. Она поглядела на мальчика — ему было пять, голубоглазый, русый, с тонким лицом, не похожим ни на отца, ни на мать — и перекрестилась по старому обычаю, коснувшись лба, правого плеча, левого, и сказала:

— Это ты, мальчик, не в тучах слышишь. Это в тебе говорит. Дар это, Миронег. От деда моего, Ведена, — ему тоже голоса слышались. Он волхвом был, последний настоящий волхв в нашей земле.

— А где он теперь, дед Веден?

— Ушёл. На восток, в степь. Говорил, что боги зовут. Больше его не видали.

Миронег замолчал и снова посмотрел на небо. Тучи шли низко, тяжёлые, серые, и в их гуле — если очень прислушаться — действительно что-то звучало. Не слова. Но и не просто гром. Будто кто-то большой и далёкий пытался говорить, но голос его разбивался о небо, как волна о камень.

Мальчик закрыл глаза и прошептал:

— Я слышу тебя.

И тучи расступились — на секунду, на одну только секунду — и ударила молния, и в белом свете Миронег увидел лицо. Огромное, бородатое, с глазами, как два угля. Лицо посмотрело на него — и исчезло.

Это был Перун.

Миронег не знал этого. Ему было пять. Он просто увидел лицо в небе и испугался. Но не убежал. Сидел и смотрел, как тучи сомкнулись снова, и гром загрохотал, и дождь хлынул, и бабка Олеся потащила его домой, ругаясь на ходу.

А ночью ему приснился сон.

Сон был странным. Не страшным — странным. Будто стоит он посреди бескрайнего поля, и поле это — не трава, а волосы. Волосы тянутся во все стороны, серые, длинные, до горизонта. И по ним кто-то идёт — далеко, едва видный. Идет и приближается. Миронег ждёт. Фигура всё ближе — и вот он видит: старик. Высокий, сухой, с посохом, в белом плаще. Лицо морщинистое, но глаза — молодые, яркие, синие.

— Ты кто? — спросил Миронег.

— Я — Волхв. Последний, кто остался. А ты — следующий.

— Следующий — что?

— Следующий, кто услышит. Боги устали, мальчик. Они говорят уже давно, но никто не слышит. Скоро они замолчат. И тогда мир изменится. Но ты — ты ещё можешь услышать. Если захочешь.

— А если не захочу?

— Тогда будешь как все. Жить, работать, умрёшь. Ничего плохого. Но мир — мир останется без голоса. И тьма, которая идёт с востока, найдёт его глухим и слепым.

Старик протянул руку и коснулся лба Миронег. Пальцы были холодные, как лёд. И мальчик проснулся.

Ему было пять. Он не понял сна. Но запомнил — навсегда.

Глава 2

Волхв из мёртвого леса

Прошло десять лет. Миронег вырос в юношу — худого, жилистого, с глазами цвета весеннего неба. Он не стал воином, как хотел отец. Не стал пахарем, как мать. Он стал — странным. Ходил по лесу, разговаривал с деревьями, знал, где растёт какой гриб, какую траву от какой хвори брать. Бабка Олеся учила его, пока могла — а потом, зимой 877 года, умерла. Просто легла вечером и не встала. На лице её была улыбка.

Миронег похоронил её на холме, у капища, по старому обычаю — не в земле, а в домовине, поставленной на столбы, чтобы птицы и ветер унесли дух. И три дня сидел у домовины, не ел, не пил, смотрел на запад.

На третий день из лесу вышел человек.

Это был тот самый старик из сна — или нет. Старик был ещё старше, чем во сне. Плащ его, некогда белый, стал серым от дорожной пыли. Посох — тёмный, гладкий, отполированный ладонями — был похож на корень, вытянутый из земли. Он шёл медленно, тяжело опираясь на посох, и оставлял на снегу глубокие следы.

Миронег встал.

— Ты — из сна.

— Я из леса, — ответил старик. — Сон — это тоже лес. Только внутри тебя. Можно войти?

— Можно.

Старик сел у костра, который Миронег развёл у домовины. Грел руки. Молчал. Миронег тоже молчал — ждал.

— Звать меня Велигос, — сказал наконец старик. — Я волхв. Последний волхв Перунова сарища, что на реке Уне. Твоя бабка была правнучкой моего ученика. Не Ведена — другого. Веден был до него.

— Бабка говорила, дед ушёл на восток.

— Не ушёл. Ушёл — это когда сам выбираешь. Его призывали. Боги призывали. Он откликнулся. Это — другое.

— А ты зачем пришёл?

— Я пришёл, потому что ты готов. Или почти готов. Десять лет я ждал, пока ты вырастешь. Десять лет я жил в лесу, в избушке, которую ты, наверное, знаешь — у Чёрного ручья.

— Знаю. Там травы особые растут. Я ходил туда.

— Знаю, что ходил. Видел тебя. Ты разговаривал с берёзой, которая у ручья растёт. Берёза — дерево доброе, женское. Она говорила тебе?

— Шептала что-то. Я не понимал.

— Она говорила, что ты — свой. Что тебя можно слушать. Не все могут. Большинство людей для деревьев — как скот: ходят, шумят, рубят. А ты — ты был тихий. Она слышала тебя.

Миронег молчал, переваривая услышанное. Старик Велигос смотрел на огонь, и глаза его отражали пламя — синие, яркие, не старческие.

— Что ты хочешь от меня? — спросил Миронег.

— Я хочу научить тебя слышать. По-настоящему. Не так, как ты слышал до сих пор — обрывки, шёпот, клочки. А целиком. Чтобы ты мог говорить с богами — и они отвечали. Чтобы ты видел, что скрыто. Чтобы ты знал, что будет.

— Зачем мне это?

— Затем, что тьма идёт, мальчик. Я говорил тебе — давно, во сне. Тьма с востока. Она идёт медленно, но верно. Через тридцать лет, может через пятьдесят, она дойдёт сюда. И если некому будет услышать богов — всё кончится. Не смерть. Хуже. Забвение. Люди забудут, кто они. Забудут свою землю, своих богов, свой язык. Станут чужими в собственном доме.

— Откуда ты знаешь, что будет через тридцать лет?

— Я не знаю. Я вижу. Это разные вещи. Знание — это ум. Видение — это дар. Дар можно передать. Хочешь?

Миронег посмотрел на старика. Потом на домовину бабки Олеси. Потом на лес — тёмный, молчаливый, бесконечный. И сказал:

— Хочу.

Глава 3

Учение

Велигос увёл Миронег в лес. Не в избушку у Чёрного ручья — дальше, вглубь, куда не доходил ни один охотник. Три дня шли на север, через бурелом, через мшистые болота, через чащобы, где деревья стояли так густо, что небо не было видно. На третий день вышли к поляне — круглой, ровной, как блюдце, окружённой вековыми дубами. В центре поляны лежал камень — серый, гладкий, в человеческий рост, и на нём были высечены знаки, которых Миронег не знал.

— Это — алтарный камень, — сказал Велигос. — Ему тысяча лет. Старше этого леса. Старше вятичей, которые здесь живут. Его поставили волхвы, которые пришли с запада, из земли бужан, ещё до того, как здесь поселились люди. Здесь я буду учить тебя. Здесь боги слышат лучше всего.

— Почему именно здесь?

— Потому что здесь — место силы. Места силы есть по всей земле — на горах, у рек, в пещерах. Но не все они одинаковы. Это место — Перуново. Здесь когда-то ударила молния и подожгла дуб. Дуб сгорел, но корни его остались в земле, и из корней выросли новые дубы — те, что стоят вокруг. Это — дети Перуновой молнии. И камень этот — он не просто камень. В нём живёт искра.

— Искра?

— Частица божественного огня. Перун ударил — и оставил. Как кузнец оставляет искру в углях. Эта искра — твой ключ. Если научишься — откроешь двери, которые закрыты для других.

Учение началось. Велигос не учил, как учат ремеслу — не показывал, не повторял, не заставлял. Он говорил, и Миронег слушал. Иногда — часами. Иногда — днями. Велигос говорил о богах, о мире, о том, что за миром.

— Слушай, — говорил Велигос, — мир — это не то, что ты видишь. Мир — это три слоя, как три кольца на стволе дерева. Первое — Явь. Это то, где мы сейчас сидим, где солнце светит, где трава растёт. Второе — Навь. Это мир духов, мёртвых, снов. Туда уходят, когда умирают. Оттуда приходят сны. Третье — Правь. Это мир богов. Там — правила, по которым всё устроено. Явь — лист. Навь — корень. Правь — ствол. Понимаешь?

— Не совсем. Если Правь — ствол, то ствол держит лист. Но я не чувствую, что кто-то держит меня.

— Потому что ты не научился ещё. Научишься — почувствуешь. Ствол невидим, пока не срежешь кору. Но он есть. И без него — лист падает.

Днём они разговаривали. Ночью Миронег учился видеть. Велигос учил его входить в транс — не через грибы и отвары, как делали некоторые волхвы, а через дыхание. Дышать — медленно, глубоко, ритмично, пока тело не забудет о себе и сознание не отделится, как отделяется чешуя от рыбы.

В первый раз Миронег провалился в транс на седьмую ночь. Он сидел у алтарного камня, дышал, и вдруг — провал. Как будто ступил на лёд, а льда не было. Он упал — но не ударился. Оказался в месте, которого не знал.

Это было поле. Бескрайнее, ровное, покрытое травой, которая светилась — не зелёным, а серебряным. Небо над полем было не голубым, а белым — как молоко. И по полю шли тени. Не люди — тени. Они двигались медленно, беззвучно, и каждая оставляла за собой след — светлую дорожку, которая тла через секунду.

— Где я? — спросил Миронег. Голос его прозвучал странно — как эхо в пустом зале.

— Ты в Нави, — ответила тень, которая шла мимо. — Не бойся. Здесь нечего бояться.

— Кто ты?

— Я — тот, кто был. Ты — тот, кто есть. Там, за тобой — тот, кто будет. Мы все идём в одну сторону.

Тень прошла. Миронег стоял и смотрел, как тени идут — бесконечной вереницей, от горизонта до горизонта. И понял: это — мёртвые. Все, кто умер. Все, кто умрёт. Они идут — куда? Он не знал. Но чувствовал: туда, откуда нет возврата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.